

Кто-то собственными глазами видел, как Тан Фань входил в столичный дом Ван Чжи в ту же ночь, когда тот отправился в Восточный дворец навестить наследного принца.

Придворным чиновникам и евнухам было запрещено иметь близкие отношения.

Неважно, существовала прямая связь между этими двумя событиями или нет – подобного совпадения было достаточно, чтобы при большом желании связать их вместе. А потому в отношении Тан Фаня цензоры придерживались четкой позиции: тот шпионил за внутренним дворцом.

Согласно установленным правилам, Тан Фань должен был раздумывать над своим поведением дома, больше не посещая Кабинет Министров, а также направить ко Двору прошение в свою защиту.

Однако что-то пошло не так, и его прошение не дошло до императора, из-за чего дело затянулось, и Тан Фань, так и не получив ответа от императора, застрял дома на неопределенный срок.

И смех и грех! Лю Цзянь с Сюй Пу тотчас отправились к первому министру Вань Аню и попросили его заступиться за Тан Фаня, на что тот даже вроде согласился, но выполнил он их просьбу или нет, было неизвестно. И пока император продолжал безмолвствовать, путь в Кабинет Министров Тан Фаню был заказан.

Видя безразличие Вань Аня, Лю Цзянь с Сюй Пу отправились к императору сами, однако во встрече им отказали, сославшись на то, что император болен и не может ни с кем видаться.

Тан Фань не был уверен, не следит ли за ним кто-то из его же людей.

А потому, дабы не навлекать на себя новые подозрения, на всякий случай прервал все связи с Ван Чжи.

Ван Чжи прежде надеялся, что Тан Фань поможет разрешить его сомнения. Кто ж знал, что фракция Ваней вдруг нанесет удар, лишив его поддержки?

Дабы не вызывать еще больше подозрений, Тан Фань не мог с ним связаться, а если бы попробовал, то подверг бы себя опасности, дав врагам возможность избавиться от себя.

Ван Чжи нельзя было назвать святым, что платит добром на зло, но он не стал бы предпринимать ничего, что могло навредить его друзьям.

Теперь он был вынужден полагаться лишь на самого себя.

Дни в Управлении Императорскими Регалиями текли медленнее и размереннее, чем в услужении у императора, однако Ван Чжи не мог слишком уж часто наносить визиты наследному принцу. Должностные обязанности его никак не были связаны с Восточным дворцом, так что слишком частые визиты туда привлекли бы ненужное внимание, а вместе с ним и лишние неприятности на его голову.

Действовать нужно было иначе.

Ван Чжи очень надеялся, что Тан Фань передал ему неверные сведения и с наследным принцем все в порядке.

Но в таком случае поступки фракции Ваней вызывали еще больше вопросов.

Идея отправить наследного принца помолиться об отце принадлежала благородной наложнице Вань. Да и за обвинениями против Тан Фаня смутно проглядывалась тень их приспешников.

Если никакого заговора нет, то зачем фракция Ваней делает все это?

Но если заговор существует, как фракции Ваней удалось предвидеть, что наследный принц подхватит простуду из-за ливня?

И если они отважились пойти на столь рискованный шаг, как подмена наследного принца, то когда такая возможность вообще могла им представиться?

Ван Чжи помнил, как много усилий они с Тан Фанем и остальными приложили, чтобы уберечь принца от любых неприятностей на пути в храм.

Тогда они пришли к выводу, что самая большая опасность ему грозит во время пребывания во Дворце Почитаемой Истины и Долголетия.

Наследный принц должен был остаться в келье один, и, если бы в ней прятался убийца, защитить его никто бы не смог.

Именно поэтому накануне поездки Суй Чжоу отправил людей обыскать келью внутри и снаружи, убедившись, что в ней нет ни людей, ни секретных помещений.

А на протяжении остального пути с наследным принцем были сопровождающие, и на их глазах подменить его не вышло бы.

Раздумывая над этим, Ван Чжи вспомнил фразу, которую частенько произносил Тан Фань:

“Ничто и никто не идеален в этом мире, а так называемое совершенство – вероятнее всего, лишь следствие нашей невнимательности”.

Ван Чжи попытался думать, как Тан Фань, и мысленно воспроизвел в памяти тот день.

И вспомнил о важной детали.

О детали, которую все, скорее всего, пропустили.

Карета.

Да, карета.

Тогда всеобщее внимание было сосредоточено на наиболее вероятных источниках опасности, а о ней все позабыли.

Покинув дворец, наследный принц оставался один не только в келье, но и в карете. Причем в карете он пробыл даже дольше, чем в храме.

Процессия была большой, шуму от нее было много – если бы в карете что-то случилось, приглушенные звуки из нее, скорее всего, никто бы не услышал.

А самым важным было то, что повозку изготовили по образцу императорской, исключительно ради этой поездки, ведь прежде специальной кареты для принца просто не существовало.

Стоило этой идее поселиться у Ван Чжи в голове, как он больше не мог усидеть на месте и разыскал своего человека, второго главу Управления Дворцовыми Коридорами, отвечавшего за уборку полов.

— Ступай в Управление Отделки, разыщи карету, в которой наследный принц выезжал из дворца и проверь, все ли с ней в порядке, – распорядился Ван Чжи.

— Что наставник хочет проверить? – растерялся тот. – Наследный принц пользовался ею лишь раз, а когда еще ему удастся покинуть дворец, неизвестно. Ваш ученик боится, что карету давным-давно разобрали.

Ван Чжи такого не ожидал и даже растерялся:

— А детали найти не получится?

— Это можно, – виновато улыбнулся его подчиненный. – Но колеса, корпус и все остальные детали, должно быть, были отправлены на склад Управления Отделки. Что именно наставник хочет найти? Прошу, скажите Вашему ученику, чтобы он знал, что искать.

— Пойди узнай, не было ли в карете потайного отсека, в котором можно спрятать человека, – распорядился Ван Чжи.

— А? – оторопел подчиненный.

— Дело это крайне серьезное, а потому не болтай о нем, иначе мы с тобой оба плохо кончим. Понял?

Тот закивал головой и удалился исполнять приказ.

Сегодня было девятое января – самый обычный день.

Желтый календарь гласил: “Неудача в любых начинаниях”.

Шел четвертый день с тех пор, как был написан обличающий Тан Фаня донос. Тот бездельничал дома и, насколько Ван Чжи его знал, скорее всего, был только рад поотлынивать от работы.

Наследному принцу лучше не становилось. Состояние его не было критичным, но, вот, выздороветь он все никак не мог, а императорские доктора, как обычно, продолжали давать лишь расплывчатые объяснения.

Система отпусков чиновников Великой Мин отличалась от системы прежней династии, и выходных между Праздником Весны (Китайский новый год) и Фестивалем Фонарей не было. На это время приходилось возвращаться к работе, так что сегодня был обычный рабочий день.

Поскольку император уже давно был болен и не посещал заседания Общего Двора, все вопросы принимал Кабинет Министров. В настоящий момент его члены должны были заниматься изучением прошений и докладов со всей страны.

Конечно, они по-прежнему могли проводить собрания, но Лю Цзянь постоянно вступал в перепалку с Пэн Хуа и Инь Чжи. В отсутствие Тан Фаня Лю Цзянь с Сюй Пу оставались в невыгодном положении, а Хлопковый Лю, как обычно, метался меж двух лагерей.

День этот, казалось, ничем не отличался от прочих. Возможно, дело было в том, что новогоднее настроение пока не успело рассеяться, а радость на лицах дворцовых служащих еще не исчезла. Даже одежды их были в разы ярче и праздничнее обычных, а заколки в волосах новее прежних – повсюду царил дух весны.

Человек, что помогал Ван Чжи наводить справки в Управлении Отделки, еще не вернулся, но тот все равно не мог избавиться от легкого беспокойства.

Дело было в его интуиции. Интуиции человека, что много лет прожил во дворце.

Будто вот-вот должно было что-то случиться.

Но вот, хорошее или плохое?

Ван Чжи поднял глаза к небу.

Оно было голубым и бескрайним, облака сходились и расходились. Зимние холода проходили, и первые стаи гусей то и дело пролетали над головами, оставляя в небе протяжную гусиную песнь.

Ему было лишь двадцать с небольшим. С возвращения во дворец прошло всего несколько лет, но Ван Чжи казалось, что его путешествие по пустыне было где-то в прошлой жизни.

Он вырос во дворце, но не привык к нему. Каким бы высоким и величественным тот ни был, пейзажи за его стенами были Ван Чжи милее.

Если бы мог выбирать, он бы ни за что сюда не вернулся.

Ван Чжи шел по длинной дворцовой дороге в сопровождении двух молодых евнухов.

Дорога эта вела ко дворцу Жэньшоу. Ван Чжи собирался встретиться со вдовствующей императрицей, чтобы попросить ее послать кого-нибудь проверить наследного принца.

Чувствуя легкое беспокойство, он прибавил шаг, заставив двух молодых евнухов попотеть в попытках угнаться за ним.

Вдруг из-за угла прямо на них выскочило несколько дворцовых служащих. Бледные, они

пробежали мимо Ван Чжи, даже не заметив его.

Ван Чжи узнал их. Это были служанки и евнухи из Дворца Процветающей Добродетели, прислуживающие благородной наложнице Вань.

Паника их, несомненно, была вызвана чем-то весьма серьезным.

Ван Чжи схватил пробежавшую мимо служанку и спросил:

— Что случилось?

Служанка, казалось, только теперь заметила Ван Чжи.

— Ко... Командующий Ван... - чуть не плакала она.

— Что случилось? Почему ты так напугана? - Ван Чжи начал терять терпение.

Спутники служанки уже убежали далеко вперед, не заметив, что та отстала.

— Благородная наложница... Благородная наложница, она... - служанка никак не могла отдышаться.

— Что с ней? - Ван Чжи был потрясен до глубины души, однако внешне оставался по-прежнему невозмутим.

— Его Величество... Его Величество провел ночь с одной из служанок Дворца Процветающей Добродетели, - принялась сбивчиво рассказывать горничная. - Узнав об этом, почтенная госпожа пришла в ярость и вызвала ту служанку, чтобы отругать ее. Служанка принялась перечить госпоже. Госпожа рассердилась и избила ее, а потом вдруг... Вдруг потеряла сознание...

Подобное было вполне в духе благородной наложницы Вань.

Ван Чжи пробыл подле нее много лет, и лучше, чем никто другой, знал, каким человеком та была.

Она с рождения была довольно жестока, а благосклонное отношение императора сделало ее еще более безжалостной.

Благородная наложница Вань больше не запрещала женщинам из гарема рожать, но продолжала осыпать их всевозможными оскорблениями и руганью. К тому же эта служанка посмела ей ответить: разве мог человек с ее характером не прийти в ярость?

Несложно догадаться, что в обморок благородная наложница Вань упала из-за обуявшего ее гнева.

Она и прежде не отличалась хорошим здоровьем: имела проблемы с сердцем и иногда страдала от головокружений, но, в отличие от императора, надолго прикованной к постели не оставалась, и выглядела намного лучше.

Тан Фань, будь он здесь, определенно забеспокоился бы о судьбе разозлившей благородную наложницу служанки, но Ван Чжи к подобного рода вещам давно привык и не придавал им особого значения. Больше всего его беспокоило другое.

Состояние благородной наложницы действительно настолько серьезно?

Он отпустил служанку, позволив той со слезами на глазах догнать своих спутников. Беспокоился он, естественно, не о благородной наложнице Вань, а о своей судьбе.

Ван Чжи остановился и, велел одному из сопровождавших его евнухов отправиться во Дворец Процветающей Добродетели, порасспрашивать, что да как, свернул в заваленную всяким хламом дворцовую комнату.

— Тебе неинтересно, зачем я привел тебя сюда? – спросил Ван Чжи у второго евнуха.

Евнуха этого звали Вэнь Шэн. Он много времени прожил во дворце, был на несколько лет младше Ван Чжи и не отличался разговорчивостью. Прежде он мыл полы в Управлении Дворцовыми Коридорами, а затем стал человеком Ван Чжи.

— Должно быть, у командующего Вана была причина.

Сдержанность его на самом деле была следствием того, что язык его был подвешен довольно плохо. Однако, дабы выжить во дворце, лучше поменьше молоть языком. Что Ван Чжи в нем нравилось, так это его молчаливость и преданность.

Закатив глаза, Ван Чжи собирался было преподать ему урок, но в это самое время вернулся второй молодой евнух, Вэнь Юань, которого тот послал разузнать новости во Дворец Процветающей Добродетели.

Лицо его было перекошено, совсем как у тех дворцовых служащих, что только что пробежали мимо.

Сердце Ван Чжи упало.

— Ну как? – спросил он, немедленно позабыв о Вэнь Шэне.

— Благородная наложница... Благородная наложница... – евнух сильно заикался, и на то, чтобы сказать, что хотел, ему потребовалось довольно много времени. – Благородная наложница мертва!

Резко изменившись в лице, Вэнь Шэн бросил на Ван Чжи взгляд.

И не мог им не восхититься.

Поскольку Ван Чжи и бровью не повел. Даже голос его не дрогнул:

— Ты уверен?

На самом деле, узнав от служанки, что случилось, Ван Чжи в глубине души уже знал, что все

так обернется, и подготовился, а потому удивился не сильно.

— Ошибки быть не может! – поспешил отозваться Вэнь Юань. – Из Дворца Процветающей Добродетели доносится скорбный плач. Боясь привлечь лишнее внимание, этот скромный расспросил парочку слуг. Те подтвердили, что она не дышит.

— Императорские доктора уже прибыли?

— Еще нет, прошло не так много времени...

Он замолк, однако то, что он хотел сказать, было ясно без слов: к тому времени, как доктора подспеют, будет уже поздно – спасти ее, скорее всего, они уже не сумеют.

Лицо Ван Чжи было холодным, как замерзшее озеро. Он не проронил ни слова.

Вэнь Юань с Вэнь Шэном переглянулись, не смея отвлекать его от раздумий.

Для Ван Чжи благородная наложница была человеком, что возвысил его. Известие о ее внезапной кончине не просто шокировало его: было бы ложью сказать, что он совсем не опечалился.

Однако печаль эта была мимолетной. Теперь Ван Чжи столкнулся с куда более серьезной проблемой.

В гареме смерть наложницы была обычным явлением. Если покойная не была императрицей, то повлиять это ни на что не могло.

Однако благородная наложница Вань, пусть и не была императрицей, статус имела намного выше, чем любая императрица. Напрямую в государственные дела она не вмешивалась, однако влияние фракция Ваней имела огромное.

Фракция Ваней находилась у власти, однако возможности поднять мятеж у нее не было: со времен основания династии Мин чиновники ни разу не поднимали восстания.

Источником их власти была благосклонность Сына Неба.

А потворствовал им Сын Неба потому, что “любил ворону на крыше родного дома”: исключительно из-за благородной наложницы Вань.

Фракция Ваней на данный момент пользовалась покровительством Сына Неба, однако полагаться могла лишь на благородную наложницу Вань.

Как снежный дворец тает с первыми лучами солнца, так и вся их самонадеянность исчезнет без благородной наложницы Вань.

Вполне возможно, что после смерти благородной наложницы все те, кто молча подвергались преследованиям и притеснению со стороны фракции Ваней, сейчас поднимут головы и попытаются отомстить. Дерево падает – обезьяны разбегаются прочь. Вот и фракция Ваней

скоро должна была распасться.

Однако члены фракции Ваней были не идиоты. Кто станет добровольно отдавать свою власть? Кто станет просто сидеть и смиренно ждать своего конца?

Они будут сопротивляться и первыми нанесут удар.

Новость о смерти благородной наложницы наверняка наделает много шума как внутри, так и снаружи дворца. Поднимутся волнения.

И в тот же день все изменится.

Услышав о произошедшем, Ван Чжи не мог больше топтаться на одном месте и тотчас направился прочь от Дворца Процветающей Добродетели.

— Командующий Ван, куда мы? – спросил Вэнь Юань.

— В Восточный дворец! – Ван Чжи даже головы в его сторону не повернул.

После того как против Тан Фаня был написан обличающий донос, Ван Чжи считал, что повторный визит в Восточный дворец насторожит врага, однако теперь все изменилось.

Узнав о смерти благородной наложницы Вань, фракция Ваней начнет действовать быстро. И если с наследным принцем что-то не так, сейчас самое время выяснить правду!

До Восточного дворца новость о смерти благородной наложницы Вань еще не дошла. Наследный принц был болен и уже несколько дней не приглашал учителей для занятий.

Из-за болезни их господина служащие даже говорить и смеяться слишком громко боялись, не желая потревожить прикованного к постели наследного принца.

Явившийся в спешке Ван Чжи наделал много шума.

Узнав о его прибытии, прислуживающий наследному принцу Цуй Юн вышел навстречу:

— Здравствуйте, командующий Ван. Вы пришли сюда?..

У Ван Чжи не было времени рассыпаться в приветствиях.

— Где Его Высочество наследный принц? – спросил он без обиняков.

Кажется, он выглядел слишком грозно, поскольку Цуй Юн тотчас честно ответил:

— Его Высочество отдыхает внутри. Я пойду и сообщу о Вашем...

Не успел он договорить, как Ван Чжи оттолкнул его и ворвался во внутренние покои.

Цуй Юну оставалось лишь оторопело наблюдать за тем, как Ван Чжи подошел к кровати наследного принца, что лежал на ней, читая книгу, и со словами: “Ваше Высочество, прошу

простить за грубость!" – схватил удивленного принца за левое запястье, внимательно его изучая.

Свет в комнату проникал яркий, так что Ван Чжи удалось рассмотреть кожу ладони наследного принца и маленький старый едва заметный шрам на его мизинце.

Шрам был на месте!

Ван Чжи не знал, вздохнуть ли ему с облегчением или же злиться на Тан Фаня, предоставившего столь недостоверные сведения.

В этот самый момент подоспел Цуй Юн. Попытавшись оттолкнуть Ван Чжи, он загородил собой наследного принца:

— Ван Чжи! Да как ты смеешь?!

Ван Чжи не позволил бы ему толкать себя и отошел сам.

— Ваше Высочество, прошу, простите меня, если напугал, – Ван Чжи почтительно сложил руки в поклоне и, предупреждая любые вопросы наследного принца, рассказал ему о просьбе Тан Фаня.

Выслушав его, наследный принц несколько не рассердился, лишь со смехом спросил:

— Неужели старейшина Тан заподозрил, что меня подменили?

— Ну и шуточки у Вас, командующий Ван! – Цуй Юн тоже смягчился в лице. – Я целый день подле Его Высочества – неужели не заметил бы подмены?

— Я и сам бы предпочел, чтобы это была шутка, – с серьезным лицом покачал головой Ван Чжи. – Но к столь важным вопросам Тан Фань всегда подходил ответственно. Он бы не стал просить меня, не будь у него оснований. Если бы это оказалось правдой, последствия были бы просто невообразимы, поэтому, дабы выяснить истину, я и отважился на подобный шаг.

Сказав это, он продолжал пристально глядеть наследному принцу в глаза, будто еще не до конца отказался от идеи отыскать в том несоответствия.

Принц не выказал ни капли беспокойства из-за слов Ван Чжи. Вмиг посерьезнев, он предложил:

— В таком случае предлагаю командующему Вану проверить меня. Мы с тобой знакомы много лет. Есть вещи, которые друг о друге знаем лишь мы двое. Если бы я был ненастоящим, то не смог бы узнать о них всех.

Ван Чжи решил, что слова эти вполне разумны, а потому спросил:

— Ваше Высочество помнит, что сказал Хуай Энъ, когда рекомендовал Вам этого раба?

— Не могу вспомнить дословно, но Хуай Энъ говорил, что ты весьма искусен в бою и

поддерживаешь связи с людьми благородной наложницы Вань, а значит, если я случайно ее чем-то обижу, сможешь замолвить за меня словечко.

Ван Чжи ничего не ответил, сразу задав следующий вопрос:

— Ваше Высочество помнит, как Хуай Энх охарактеризовал Тан Фаня?

— Он, хоть и гражданский чиновник, но верен, храбр, праведен и способен привести мир к процветанию! – не задумываясь, ответил наследный принц.

У Ван Чжи не осталось сомнений.

Хуай Энх произносил эти слова лишь в присутствии наследного принца с Ван Чжи. Поддельному принцу, может, и удалось бы скопировать его манеру поведения, однако слова эти он бы не запомнил.

— Благодарю, что развеяли мои сомнения, Ваше Высочество, – вздохнул с облегчением Ван Чжи. – Ваш покорный раб повел себя безрассудно. Прошу Ваше Высочество о прощении.

— Вы со старейшиной Таном делали это ради меня. Я очень вам признателен. За что мне вас винить? Однако сегодня, когда лежал в кровати, Цуй Юн сказал мне, что старейшину Тана посадили под домашний арест. Это правда? Могу я чем-то помочь? Может, мне пойти попросить за него отца-императора?

— Боюсь, сейчас не самое удачное время просить Его Величество о встрече.

— Почему? – удивился принц.

— Благородная наложница Вань только что скончалась, – медленно проговорил Ван Чжи.

Наследный принц с Цуй Юном ахнули, потрясенные.

Не успели они опомниться, как кто-то из служащих Восточного дворца прибыл с известием о смерти благородной наложницы Вань.

Все произошло слишком внезапно. Даже фракция Ваней не была к такому готова.

Все думали, что если кто преждевременно и скончается, так это болезненный император, а не с виду здоровая благородная наложница Вань.

Причина, по которой благородная наложница Вань так старалась уничтожить наследного принца, заключалась в том, что она мечтала стать вдовствующей императрицей после смерти императора, и привыкла всегда получать желаемое.

И в итоге император оставался живее всех живых, впрочем как и наследный принц, а та, что желала держать мир в своих руках, первой его и покинула.

Вот что значит непостоянство и абсурдность мироздания.

Во дворце теперь, должно быть, царил хаос. Ван Чжи было больше не до принца. Убедившись,

что тот был настоящим, он поспешил покинуть Восточный дворец и вернуться в Управление Императорскими Регалиями.

Молодой евнух, которого Ван Чжи отправил в Управление Отделки, уже вернулся и передал ему важное сообщение: с каретой, в которой наследный принц ездил во Дворец Почитаемой Истины и Долголетия кое-что действительно было не так.

Под корпусом ее была обнаружена ниша в четыре-пять квадратных чи (1 чи = 34 см), достаточно большая, чтобы вместить свернувшегося калачиком человека.

Камень с сердца Ван Чжи, решившего было, что Тан Фань поднял шум из-за ничего, свалиться еще не успел, а новость эта уже поселила в его сердце зерно нового сомнения.

Послесловие автора:

Чунцинский горячий горшок... А, нет! Принцессу Чжунцин подвели глаза~ Но подозрения ее были не беспочвенны, поскольку из-за действий фракции Ваней все считали, что те попытаются что-то предпринять, и начали с подозрением относиться ко всему на свете. Попробуйте угадать, в чем правда в деле о поддельном наследном принце~

Мини-театр:

Ван Чжи: Ха-ха-ха-ха-ха! После стольких глав великолепный я наконец дождался своего бенефиса! Только полюбуйте: я лучше всех! Важности через край! По красавице в каждой руке! Да я на вершине мира!

Суй Чжоу: Как евнух может иметь по красавице в каждой руке?

Ван Чжи (с прищуром): Ты смеешься надо мной?

Суй Чжоу (бесстрастно): Нет, просто напомнил тебе кое о чем.

Ван Чжи: У меня Пушистик Тан в левой руке и Пушистик Тан в правой!

Суй Чжоу: Сначала тебе придется поговорить с моей позолоченной саблей.

Ван Чжи: Хе-хе! Думаешь, напугал? Не будь я Ван, если не побью тебя сегодня! (Закатывает рукава)

Суй Чжоу: А кто ты тогда? Мяу? Р-р-р? Га-га-га? Ме-е-е? Чирик?*

Ван Чжи: Твою мать! Автор, зачем ты вообще создала такого человека?!

Примечания переводчика:

Ван Чжи, плюсюю, я тоже задаюсь этим вопросом уже полкниги как...

* - Пояснение к мини-театру: если кто забыл, “ван” – это как “гав”, звукоподражание лаю.

Только обрадовалась, что в главе нет СЧ, как автор его засунула токсить в послесловии. Это смешно?

Ван Чжи, конечно, не самый приятный чел, но постоянные до**ы СЧ до того, что тот евнух, в шуточках от автора, уже действуют мне на нервы... Да, прикинь, чел, не обязательно иметь х*й, чтобы кому-то нравиться, трахаться и быть человеком. И не обязательно не иметь х*й, чтобы быть мудаком кхм

Лю Цзянь с Сюй Пу, конечно, гении! Обращаться за помощью к Вань Аню, который, скорее всего, и был тем, кто подговорил выдвинуть обвинения против ТФ...

В прошлой главе говорилось, что ТФ пробыл в доме ВЧ полчаса – как он тогда за целых полчаса не успел сказать Вэй Мао, что получил наводку от принцессы, я не понимаю...

И как можно было заранее не обыскать и не проверить карету принца? Наиболее вероятные источники опасности они изучили, ага...

<http://tl.rulate.ru/book/50212/3559613>